

Михаил Серёгин

Годен к строевой!

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Серёгин, М.

С32 Годен к строевой! / М. Серёгин. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 426 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-521-76128-9

«Армия — школа жизни, но лучше пройти ее заочно». Редкий призывник не согласится с этой мыслью. Но, если вы думаете, что армейская служба состоит только из суровой муштры и безрадостных будней, то вы ошибаетесь! Где еще, как не в армии можно в одном месте встретить столько разных и по-своему уникальных людей! В армейской жизни хватает места юмору, приключениям и настоящей мужской дружбе. В этом предстоит убедиться разношерстной компании новобранцев...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76128-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Пролог

Если вы проснулись утром в казарме и увидели, как недавно прибывший из учебки сержант застроил всех старослужащих вашей роты, откройте глаза по второму разу, товарищ солдат! Вы спите!

Что? Вы все-таки не спите?! О боже! Мир сошел с ума! Зачем вы родились на свет?!

Нет! Все сон, все дурной сон! Глаза открылись. Все хорошо, все очень хорошо. В шеренгу построены сержанты всего батальона! Какое счастье! Нет, сержантов жаль, они будут сейчас отжиматься. Как все здорово! Можно не волноваться за Российскую армию — она по-прежнему непобедима.

Да здравствует наш дурдом! Самый правильный дурдом в мире!

Глава 1

ВИКТОР

Весна. Снег еще не сошел с клумб Припрудненского райвоенкомата, а по его ступенькам начали шаркать будущие вояки от Тверской губернии.

Витек вошел в зеленые ворота с красными звездами, преисполненный большого желания стать настоящим бойцом. Его могли посадить за угон. Взяли его менты. Взяли. Но так как он в первый раз... Вообще-то, не в первый, это попался в первый. А чего не подкалывать, если в машинах сечешь? Вот и заработал...

Или в армию на два года, или в тюрьму на три. Выбор очевиден. За решетку кому хочется-то? К тому же служба биографию не портит. Соображай.

Подойдя к дежурному, Витек хотел отдать честь, но передумал и отдал повестку. Все-таки честь дороже, зачем же ее бесплатно отдавать.

Капитан прочитал фамилию, порылся в бумагах, вытащил из стопки личных дел одну тоненькую папочку и отложил ее на край стола.

— Резинкин, иди в шестнадцатую.

Оказавшись в длинном коридоре, худощавый блондин быстро нашел нужную ему дверь. Надпись

большими буквами, сделанная от руки толстым красным фломастером на куске ватмана, гласила: «Медкомиссия». Ниже карандашом приписали: «Перед посещением выпить ртуть, принести анализы диабета, сточить пятки, чтобы походило на плоскостопие. Но лучше сделать операцию по смене мужского достоинства на аналог, но женский. И недостойный». Бумажечка держалась на двери, как и все в нашей стране, ненадежно, с помощью ниточки, надетой на вдавленную кнопчку.

Внутри комнаты одна длинная скамья, несколько крючков для одежды и еще одна дверь, ведущая в соседнее помещение. Тоска одолевала всех, кто входил сюда. Только не Витька. Ему врачей надо пройти — сто пудов. Он сам себя уже годным признал заранее. Пусть во всех бумагах пишут «годен».

Около единственного большого окна стоял одетый лишь в семейные трусы парень. Повернув на шум лысую голову, он со знанием дела рекомендовал раздеваться.

— Здесь ждать не любят.

— Варягин! — донесся женский голос из-за стены.

— Меня, — пацан исчез в боковой двери, топя босыми ногами по каменному полу.

Витек остался наедине с двумя коричневыми облупленными дверьми. Только он успел стащить с себя штаны, как ввалилось сразу трое. Салаги, такие же, как и он.

Призывники шарили глазами по Витьку и висящей на крючках одежде.

— Чего стоите, раздевайтесь, здесь ждать не любят.

— Резинкин, — услышали все, и Витя подался к врачам.

— Топай-топай, — пробасил один из троих пришлых, отличавшийся от остальных шириной плеч и узким лбом.

В соседней комнате под давно не беленным потолком висел засиженный мухами молочного цвета плафон. Стены имели едко-зеленый цвет, разбавленный ярким пятном плаката с оптимистическим названием: «Дифтерия, холера и СПИД вокруг нас». Акварельными красками изображены были довольно отвратные типы, выдающие себя за эти болезни, а внизу буквами помельче: «Встретим их достойно».

— Это с хлебом и солью, — догадался Витек.

Немолодая женщина, склонив голову над столом, наяривала ручкой по одной из страниц в чьем-то личном деле. Рядом с ней сидела толстуха в больших очках. Она теребила ручку в пальцах и ничего не писала.

В углу комнаты стояли ростомер и весы, рядом с ними — медсестра в самом белом халате из всех, что были на присутствующих, и в шапочке с кружавчиками колора спелой ежевики, бегущими по краю.

Похоже, он тут никого не интересуется.

Резинкин вернулся было обратно в раздевалку.

— Куда пошел?! — взорвалась толстуха.

Он не обратил на ее рык внимания.

Напустив на себя строгость, Витек в раздевалке объявил:

— Мужики, там сказали, чтобы остальные снимали с себя все.

Трое дегенератов стали переваривать услышанное, а он вернулся к врачам.

— Сердце болит? — спросила пишущая тетя.

— Нет.

— Идите сюда, — позвала медсестра.

— Ночью ходите?

— Хожу, а куда?

— Не прикидывайся идиотом. Писать ходишь? — Докторша подняла голову, уставившись на призывника маленькими злыми глазками.

— Рост — сто семьдесят два.

— Писать хожу.

— И как часто?

— Каждую ночь.

— Вес — шестьдесят девять.

— И давно под себя делаешь?

— Под себя с детства не делаю. А в туалет по ночам встаю. Это плохо? Мне никто об этом не говорил, доктор. Мне надо, чтобы все было хорошо. Ночью писать нельзя, да?

— Грудь — девяносто четыре.

— Можно, только не во сне.

— Нет. Во сне не хожу.

— Молодец.

— Размер противогаза — три.

— Корью, ветрянкой, свинкой болел?

— Болел всем.

— Сотрясения мозга?

— Были.

— Сколько раз?

— Два раза, у моей собаки.

— У тебя!

— Не знаю, документально не зафиксировано.

— Руки, ноги ломал?

— Да, правый указательный палец, он теперь не гнется.

— Ну-ка, покажи.

Резинкин посмотрел вниз на ногу.

— Вон видите, не до конца сгибается.

— Иди ко мне, — позвала записывающая антропометрические данные толстуха.

Резинкин послушно подошел к столу.

— Повернись.

Он подчинился и увидел на стене таблицу для проверки зрения.

— Закрой левый глаз. Читай, что написано над красной чертой.

Витя справился без труда.

— Молодец, другой глаз.

Резинкин повторил по памяти фразу из нескольких букв, не утруждая себя чтением.

— Засранец, — шепотом произнесла толстуха.

Возмущенный Резинкин повернулся. А не послать ли ее?

— Что я сейчас сказала?

— Засранец.

— Правильно, зрение единица, слух в норме.

— Пыреев! — выкрикнула доктор.

В дверь вошел высокий плечистый, что подавал недавно голос.

Медсестра от неожиданности часто заморгала. Толстуха покраснела, а крикнувшая докторша продолжала писать.

— Сердце болит?

— Марья Ивановна, — пролепетала толстуха.

Тетя подняла голову от личного дела и увидела внушительную приспособу для воспроизводства себе подобных.

— Что это? — пролепетала она, протягивая личное дело Резинкину. — В следующую комнату.

— Член, — ответил за слегка сконфуженного парня Резинкин и прошел в следующее помещение.

— Умник! — послала ему вслед доктор.

За столами друг напротив друга сидели два мужика. Один в погонах, молодой, другой в белом халате, старый.

— Ко мне, — позвал старый. — Спусти трусы.

Резинкин подчинился.

Доктор взглянул на добро.

— Годе́н, — пробормотал дед, начиная быстро заполнять свою графу в карточке.

— А то, еще как годе́н.

Запись была короткой.

— Берите личное дело и встаньте ко мне лицом, — произнес молодой.

Не натягивая трусы, Витя крутанулся на голос и протянул свою папочку.

— Резинкин Виктор Сергеевич, в соответствии с Законом Российской Федерации о воинской обязанности вы призваны на срочную военную службу сроком на два года. И натяните трусы, подорвете сквозняком здоровье, товарищ боец.

Витя сидел за большим обеденным столом в зале и держал в одной руке рюмку с водкой, а другой раз-

меренно тискал Аленкину голую нежно-розовую ляжку, задрал юбку так, как только было возможно.

Поскольку произносился не первый тост, никто не вставал, и последние полчаса он не прекращал гладить ее ни на минуту. Все приглашенные порядочно поднабрались, но вряд ли они преодолели и треть пути. Резинкины запаслись зельем основательно и считали своим долгом упоить гостей в дым, что сделать в русском селе весьма не просто. Очень многие способны шевелиться и бормотать даже после нескольких предельно допустимых доз. Один из таких крепких орешков — старый дед Петро — толкал речь:

— Служи геройски, чтоб родители могли гордиться тобой. — Витькина мать всплакнула и поспешила промокнуть глаза краешком цветастого платка, отец молча кивнул, глядя в рюмку, самого оратора повело немного вперед, но он приостановил движение по опасному направлению, уперевшись в стол. — По службе не робей и, если придется бить кому-нибудь морду, делай это на совесть. Не забывай свою красавицу, — все взглянули на румяную Аленку, и та опустила глаза, томно вздохнув. Витькина рука блуждала по знакомым ей местам вот так вот прямо за столом... Хорошо, что скатерть длинная и люди вокруг основательно захмелевшие. — Давайте выпьем за будущего солдата и пожелаем ему легкой службы.

Заглатывая водку, Витя перестарался, и Аленка, расплескивая спиртное, повалилась к нему на плечо, а потом нежно поцеловала при всех.

Витек поднялся, взял со стола пустой стакан. Налил в него самогонки до краев и медленно осушил одним махом.